
ОТ БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО МИРА К МУДРОССКОМУ ПЕРЕМИРИЮ: ИСТОРИЯ НЕВЫПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРОВ

МАХМУРЯН Г. Г.

Брест-Литовский мир, ставший объектом нашего анализа в предыдущей статье¹ и являвшийся по сути капитуляцией, позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, развал Кавказского, как и других фронтов, отнюдь не служил официально объявленным новой властью целям. Хотя революция обещала солдатам мир, на самом деле она несла заранее известную гражданскую войну, когда боевые действия велись уже на собственной территории и против подданных собственной империи. Впоследствии социалистическая революция станет создавать колхозы вместо передачи земли крестьянам и осуществит открытую диктатуру вместе с подковерной гражданской войной, в виде репрессий 1937 г. – вместо провозглашавшейся власти Советам.

Второе: оказавшись один на один с полностью вооруженным врагом, когда все европейские державы были заняты собственной войной, на той или иной стороне, армяне выяснили, что вхождение в Российскую империю безусловно несло народу возможности мирного труда и безопасность, тем не менее, эти великие блага не обеспечивались на все сто процентов. Ведь вопреки формальному соотношению сил, это Османская империя напала на превосходившую ее по территории, армии, сырью и населению Россию, и не столько ради объявленных младотурками новых захватов, сколько для того, чтобы избавиться от неудобных и слишком склонных развиваться армян.

Третье: имперская защита армян и занятие их проблемами довольно естественно трансформировались в желание использовать достигнутые успехи и приобретенные земли, чтобы поторговать с державами Запада, так как российская Восточная политика в ближневосточном регионе всегда носила подчиненный характер. И это понятно: Россия имела богатые природные ресурсы и пространства необработанной земли, поэтому она могла предпочитать земли и богатства Востока хорошим отношениям и техническим достижениям Запада. В свою очередь державы Западной Европы совместным Концертом переигрывали

¹ Махмуриян Г. Г. *Брестский мир 1918 г. в оценках современников и армянской историографии* (*Պիտիւնիւմի իրադրութիւնը հայրենիքում*, 2012, N 2, с. 46-62).

северного конкурента, достаточно быстро сводя на нет все получаемые Россией выгоды от ближневосточных сделок.

И четвертое: Первая мировая война дала образец целого ряда основополагающих международных соглашений, не выполнявшихся практически с момента их заключения. В реализации таких соглашений либо была *недостаточно заинтересована одна из подписывавших их сторон*, либо страны-участницы подписывали документы, превышавшие их возможности по дальнейшей реализации фиксируемых обязательств. Наличие таких формальных договоров является очень опасным симптомом, чреватый новыми боями и тяжелыми последствиями. И одним из таких, лишь частично выполняемых в отношении Восточной Армении документов, стало Мудросское перемирие от 30 октября 1918 г., саботировавшееся османской стороной с самого начала и выполнявшееся только в той мере, в какой его принуждали это сделать британские войска на Кавказе и французские подразделения в Киликии.

Уже 7 декабря 1918 г. специально командированный правительством Республики Армения А. Джамалян телеграфировал главнокомандующему союзническими войсками в Константинополе о глубоком разочаровании армян Мудросом, поскольку первое официальное сообщение о нем стран Антанты в Батуме говорило о выводе турецких войск к *Брест-Литовской* линии с 6 ноября по 18 декабря 1918 г. А. Джамалян требовал “немедленно заставить очистить Российскую Армению от турецких войск до границы 1914 г. и дать армянским войскам право продвинуться и занять страну.” Дипломат выражал возмущение тем, что в тексте Мудросского перемирия “не только не выдвинули каких-либо ощутимых требований к Турции, но и опустили вопрос об эвакуации Карсского района. ...Невыполнение этих требований или длительная задержка с их удовлетворением грозит нашему народу массовой смертностью и полной анархией”², – предупреждал полномочный представитель правительства республики.

С официальной точки зрения, перемирие передало эстафету не только Версальскому договору от 28 июня 1919 г., но и всей системе версальских договоров, включая Севрский договор от 10 августа 1920 г., подписанный заседавшим в Константинополе османским правительством. На самом же деле перемирие не выполнялось младотурками с мая-июня 1919 г., и этот факт существенно повлиял на переговоры и

² Национальный архив Армении (далее – НАА), ф. 200, оп. 1, д. 129, л. 16-17.

дальнейшие военно-политические реалии в регионе. Лидеры мировых держав в Париже связывали начало турецкого сопротивления перемирию с высадкой греческих войск в Смирне, состоявшейся 15 мая 1919 г.³, западноевропейские и американские историки связывают его с 19 мая⁴ либо с Эрзерумским конгрессом кемалистов, 23 июля – с 6 августа того же года. Как высадка, так и конгресс – важные события, тем не менее, занятые организационной работой националисты не сразу бросили открытый вызов Антанте. Это произошло именно на Кавказском театре военных действий и именно в связи со стремлением турок компенсировать свои огромные юго-западные территориальные потери не только за счет Западной Армении, но и посредством захвата восточноармянских земель.

В этом плане важен не просто Эрзерумский конгресс националистов, проведенный в армянском городе, жители которого были истреблены турецкими властями, чтобы потом обвинять в осуществлении геноцида армян и одного из руководителей эрзерумской самообороны Себастиана Мурада. Конгресс провели в здании армянской школы Санасарян, известной в качестве лучшего учебного заведения во всем регионе; причем к тому моменту во всей армянской части города уцелел только один жилой дом. Одни лишь конгрессы или противоречия националистов с Константинополем еще не были разрывом Мудросского перемирия. Но 25 июля 1919 г. в ущелье, на железнодорожном пути между Караурганом и Зивинином была совершена диверсия против вывозившегося согласно перемирию оружия, когда турецкая сторона впервые и официально заявила направленным сюда наблюдателям союзников, что она не станет разоружаться и отказывается выполнять требования Мудроса.

Понятно, что для совсем неготовых ко всем сложностям ситуации армян было жизненно необходимо самостоятельно обеспечивать свое существование, физическую безопасность и контроль хоть над какой-то

³ *Documents on British Foreign Policy 1919-1939*. Ed. by E. L. Woodward, R. Butler. 1st Series. Lnd., HMSO, 1948, vol. I, p. 107, 136, 330-331, 879; United States National Archives, Washington D. C. Record Group 256 Records of the American Commission to Negotiate Peace, class 180.03401/document 19-20.

⁴ Начиная с: **Toynbee A. J., Kirkwood K. P.** *Turkey*. Lnd., E. Benn, 1926, p. 94; **Lewis B.**, *The Emergence of Modern Turkey*, 3d ed. Lnd., Oxford, NY; 2002, p. 242. 8 июля 1919 г. султан Мехмед VI жаловался А. Гаф-Келторпу, что из-за греков в Смирне и армянского продвижения на Эрзерум он потерял контроль над ответными действиями в своей империи.

частью родной земли. А чем раньше начинается самооборона, тем больше возможностей для защиты и сдерживания врага. Брест-Литовский мир, казалось, определял безопасную для нашего народа часть суши. И хотя вплоть до 10 апреля 1918 г. закавказская делегация в Трапезунде⁵, а затем 20-21 апреля члены Армянского национального совета в Александрополе не признавали данного договора, тем не менее, все знали, где должен был остановиться враг. К тому же этот мир заключала большевистская Россия, а не армяне или Закавказье, согласия других заинтересованных сторон не спрашивали. И поскольку Османская империя брала на себя обязательство не перед Закавказьем, она должна была выполнять его независимо от позиции краевых народов или их властей.

Само знание о заключенном Брестском мире расхолаживало армян и мешало начать самооборону как можно раньше. Немногочисленные армянские части сдавали пригодные для обороны рубежи, включая: 12 марта – Эрзерум, 5 апреля – Сарикамыш, 6 апреля – Ван, 8-го – Кагызван, 13-го – Баязет, 22-го – Селим и фактически без боя 23-26 апреля был сдан Карс⁶. Все тщетно ждали, что враг наконец остановится, но турецкая армия двинулась на Баку и в Северную Персию, показав, что рубеж сформируется лишь там, где ее *смогут* остановить. Заявление Халила от 11 мая, оккупация 15 мая Александрополя, поход в Нахичеван, нападение на Баку и Карабах устраняли те сомнения, которых у армянских политических деятелей вообще не должно было быть. Почти месячные переговоры о признании Брест-Литовска, как и любой другой границы, были эффективными только при военном сдерживании турок. А это не обеспечивалось погибавшим в страшной катастрофе и мучениях народом.

Лишь после Александрополя благодаря неимоверным усилиям 21-26 мая 1918 г. удалось дать отпор под Сардарapatом, что спасло Ереван, но не спасло к 30 мая Караклис. И только после Сардарapatской битвы, в результате требования Халила-паши и будучи вынужденным не отставать от других закавказских партнеров, 30 мая 1918 г. в 9 часов утра Армянский национальный совет в Тифлисе был вынужден учредить

⁵ **Korganoff G.** *La Participation des Arméniens à la Guerre Mondiale sur le Front du Caucase (1914-1918).* Paris, 1927, p. 132.

⁶ Там же, с. 122-123, 139, 152-156.

национальное правительство⁷, хотя в принятом им воззвании к армянскому народу (декларации) слово “независимость” применяли только к Грузии и Азербайджану. Примечательная деталь, так как статус и будущее армянского народа определяли не слова, а способность организовать, защитить себя и хоть какую-нибудь часть своей территории.

В июне 1918 г. подразделения К. Карабекира заняли Нахичеван. 15 сентября турецкая армия захватила Баку, теперь она могла действовать в Северной Персии. В октябре турецкие войска двинулись на Карабах. Положение было настолько критическим, что победа стран Антанты в войне с Османской Турцией, зафиксированная 30 октября, стала спасением. Это был единственный шанс для армян остаться в живых. Бесмысленно говорить о самостоятельной положительной роли или каких-либо возможностях новосозданной Республики Армения после Батумского договора. Пункт 11 Мудросского перемирия зарезервировал за союзниками право удаления турецких войск из всего Закавказья до границы 1914 г., т. е. право отменить все уступки Брест-Литовска⁸. Несмотря на расплывчатость формулировки, они все же приняли решение удалить османское войско, и с победой Антанты на смену русской армии пришла британская, которая сразу оговорила, что после вывода турецких подразделений она тоже покинет край.

Было ли полезным ее присутствие в Баку и Батуме, Тифлисе, а затем в Ереване и Карсе? В этом вопросе мы должны исходить из двух обстоятельств. Первое обстоятельство состояло в том, что выработанный в 1907 г. британским министром иностранных дел Э. Греем подход означал, что Англия дружит с Россией против Германии и Австро-Венгрии, но не против Турции. Второе же обстоятельство заключалась в том, что в 1913-1914 гг. Э. Грей активно мешал проведению реформ в Западной Армении и указывал, что он признает свободу рук для России в западной части Османской империи, включая проливы, но не в ее азиатской части, где вероятность успеха была наиболее высокой. В 1916

⁷ НАА, Հոշ հայ ժողովրդին, ֆ. 222, օպ. 1, ձ. 141, լ. 239 օպ. Автор не предлагает перенести день независимости на 30 мая, хотя 28 мая не синхронно ни с Аварайром, ни с Сардарпатом. 26 и 27 мая 1918 г., учитывая коренные противоречия интересов, Грузия и Азербайджан отделились от Армении как от части общекраевого целого, оставив нас независимыми де факто. Да и армянская делегация, выехавшая 28 мая с целью подписания Батумского мирного договора, должна была представлять субъект международного права.

⁸ Maurice F. The Armistices of 1918. Lnd., NY, Toronto, 1943, p. 86.

г. Э. Грей не только включил в систему русско-английских отношений соглашение Сайкса-Пико, но и предварительно укрепил свои османские позиции также секретным “неуловимым соглашением” с США от 14 февраля того же года.

Так что в конце 1918 г., после революций в России и в контексте гражданской войны, отрезавшей Закавказье от новой центральной власти, Британская империя официально не отвергала действенность соглашения Сайкса-Пико, но и не собиралась забывать о своих интересах. Она использовала нефтяной Баку и прямым военным принуждением добилась подчинения Азербайджану Карабаха, оторвав его от Зангезура, в отношении которого проводился столь же активный военный шантаж. Одновременно английское командование передало Республике Армении Нахичеван и Карсскую область. Причем 9-я османская армия Шевки-паши не уходила из Закавказья без прямого вооруженного принуждения британцев. Данный вопрос изучен и освещен в европейских и американских исследованиях и не оставляет места для споров: турок пришлось именно вытеснять.

Так, выполняя распоряжение своего Адмиралтейства, отправленное телеграммой от 8 ноября 1918 г., британский главнокомандующий в Средиземноморье А. Гаф-Келторп направил Порте коммюнике с требованием очистить от турецких войск и *элементов* все районы вплоть до границы 1914 г. В документе указывалось, что сохранение любых подразделений и элементов в Азербайджане “недопустимо ни при каких условиях.” А. Гаф-Келторп требовал отозвать оттуда Халила, Нури и отца Энвера-паши – Ахмеда, а также всех направленных в “армию ислама” турецких офицеров и солдат. Британец потребовал сообщить, когда именно султанское правительство отдаст соответствующие приказы и когда конкретно оно завершит эвакуацию⁹. В свою очередь 25 ноября командир 9-й армии отдал официальный приказ не подчиняться Мудросскому перемирию и не уходить из Карсской области, Ардагана и Батума. Он открыто вооружил местных мусульман оружием из Карсской крепости и создал там местную власть – шуру. Последняя сформулировала официальный меморандум о собственной автономии и защите турецких национальных интересов. В официальном меморандуме шуры утверждалось, что в области не было места ни для

⁹ “All Turkish Troops and Turkish Elements”. См.: **Hovannisian R.** *The Republic of Armenia, vol. I, The First Year, 1918-1919.* Berkeley & Los Angeles, 1971, p. 200; **Allen W. E. D., Muratoff P.** *Caucasian Battlefields: a History of the Wars on the Turco-Caucasian Border,* Cambridge, NY, Melbourne, 1953, p. 497.

одного армянина.

Англичане не приняли этой логики, их военное министерство из Лондона потребовало отозвать Якуба Шевки и увести турецкие войска в Эрзерум. Этот приказ был направлен командующему Черноморской армией Дж. Милну, и по его распоряжению 7 января 1919 г. командир 27-й дивизии Дж. Форестье-Уокер встретился с командиром 9-й турецкой армии, оговорив, что дает на эвакуацию один месяц¹⁰. В соответствии с лондонскими инструкциями он запретил вывоз награбленного, указал нормы продовольствия, потребовав оставить на месте железнодорожное и радио-телеграфное имущество. Неудивительно, что этот приказ выполнялся так же, как и Брест-Литовский договор, т. е. в той степени, в какой союзники обеспечивали надзор за его исполнением и были способны к принуждению. Закон N 1 состоял в том, что всякий договор в условиях поражения выполняется лишь в том случае, если вторая сторона имеет силу и заставляет его выполнять.

После встречи с Шевки-пашой в своем поезде Дж. Форестье-Уокер приехал в Александрополь, где 8 января подписал соглашение с министром иностранных дел РА С. Тиграняном¹¹. Этот договор предусматривал создание в Карсе английского военного губернаторства с размещением войск, но гражданское управление передавалось армянским чиновникам. Оговаривалось, что центральная гражданская администрация области будет чисто армянской и подчинится министерству внутренних дел РА. Мусульманские чиновники могли работать только на муниципальном уровне, хотя англичане оставляли за собой право отделить от области часть приграничных районов, если те окажутся исключительно мусульманскими по населению. В дальнейшем данный пункт им не понадобился. Британский генерал особо указывал, что в Батумской области, также превращенной в военное губернаторство, грузинам не была предоставлена аналогичная возможность. Поскольку один из аспектов темы привлекает особое внимание, подчеркнем, что англичане признавали грузинское присутствие только в северной части Ардаганского округа – северо-западной русла Куры¹². Ни о чем другом, и уж тем более о пограничном

¹⁰ *НАА, ф. 200, оп. 2, д. 39, л. 8-12; Rawlinson A. Adventures in the Near East 1918-1922. Lnd.-NY, 1924, p. 151.*

¹¹ *НАА, ф. 200, оп. 1, д. 92, л. 451-453.*

¹² *См., например, заседание Совета министров РА от 21 апреля 1919 г.: НАА, ф. 200, оп. 1, д. 92, л. 230; НАА, ф. 200, оп. 2, д. 55, л. 2.*

Олтинском округе речь никогда не шла¹³.

В реальной жизни первый приезд республиканской администрации сопровождался организованной демонстрацией мусульман. Британские войска не превышали двух рот, и задачу отложили до 19 апреля 1919 г., когда губернатору С. Корганяну наконец передали гражданскую власть, а затем 23-24 апреля в город сначала вошел 2-й полк М. Силикяна, а за ним прибыли и гражданские чиновники¹⁴. С января по апрель месяцы британцы налаживали сотрудничество с местной шурой, и лишь столкнувшись с ее враждебностью и увеличив число собственных подразделений, они разогнали местных старшин, отправив их председателя, как позднее и Шевки-пашу, на Мальту.

Деятельность Шевки по саботажу требований союзников, продиктованных Мудросским перемирием, продолжили командующий 3-й армии Вехиб-паша, а затем принявший 15-й корпус К. Карабекир. Прежде всего они саботировали разоружение и сдачу излишков военной техники. Хотя к концу февраля 1919 г. 42 тыс. из 47 тыс. турецких войск были выведены из Закавказья, последний солдат покинул Карсскую область только 16 марта. За это время в официально объявленной зоне османских интересов от Батума до Ордубада были размещены офицеры и советники, налажена первичная система управления.

В апреле-июне 1919 г., сохраняя военное снаряжение, турки всячески мешали работе 250 британских офицеров надзора, получивших мандат Парижской конференции на контроль за разоружением, а затем прямой приказ, отданный прибывшим 27 апреля в Карс Дж. Милном¹⁵. В исследованиях зарубежных историков данный факт не отрицается, но при этом не ставится вопрос: до какого именно момента действовало Мудросское перемирие.

Между тем 1-2 июня А. Роулинсон едет в Карс для встречи с директором британской военной разведки в регионе генералом В. Бичем, чтобы сопроводить последнего в Эрзерум. Уже к этому моменту железная дорога была непроходимой с обеих сторон. 4 июня британцы встретились

¹³ К 7 июля 1919 г. правительство А. Хатисяна получило официальное письменное согласие британского командования на занятие армянскими частями Олтинского округа: НАА ф. 200, оп. 1, д. 92, л. 347, 356 об.

¹⁴ Там же, л. 230-230 об.

¹⁵ Rawlinson A., указ. соч., с. 170-171. Автор указывает 27 апреля, но в воспоминаниях возможна погрешность на один день, поскольку Дж. Милн достоверно находился в Карсе с 28-го числа.

в Эрзеруме с К. Карабекиром, чтобы обсудить методы разоружения¹⁶. Результатом их беседы стало решение союзников усилить роулинсонский отряд. 8 июня в Трапезунд прибыла группа из 27 человек, которой руководил капитан вспомогательных служб ВМС Флетчер. На месте были составлены списки складированного оружия, включая учтенные в мае 500 пушек, 200 тыс. снарядов, 100 тыс. ружей в добавок к 340 трапезундским орудиям, и в ночь на 13 июня группа прибыла в Эрзерум. В этот же день из Тифлиса прибыл сотрудник железнодорожной службы генерала А. Брафа, а также группа офицеров, направленная Дж. Милном из Константинополя.

Внешне отношения между сторонами были спокойными, но 22 июня националисты подписали Амасийский протокол, призвав к координации их *военно-оборонительных* усилий. И если протокол еще не был прямым отказом от Мудросского перемирия, то он открыто создавал альтернативную Константинополю власть. Поэтому А. Роулинсон не сомневался в намеренном саботаже османской армии и делал все, чтобы заставить своих противников выявить их позицию.

Поскольку оружие намеревались вывозить через территорию РА, ситуация приобретала стратегическое значение. И как закономерность, на железной дороге часто происходили аварии. К 3 июля в Эрзерум прибыл М. Кемаль. В тот же день А. Роулинсон переговорил с американским (Р. Данн) и французским коллегами, а затем уехал на впервые запущенном поезде с тремя вагонами по узкоколейке к границе. Британский пикет на трех автомобилях отправился в Зивин, чтобы встретить там своего командира на турецкой стороне границы. Предоставленный К. Карабекиром американский локомотив, который сопровождал офицер-порученец Гейдар-бей, по своей мощности не мог потянуть большего груза, причем один из вагонов был загружен дровами. Весь состав продвигался со скоростью пешехода, так как нужно было постоянно проверять колею, рельсы и мосты. За два дня поездки удалось преодолеть 112 км. пути, а дальше начиналось ущелье, где 5 июля произошел завал, обрушивший 2 тыс. т. породы и полностью разрушивший полотно. (Исходя из приведенных А. Роулинсоном цифр, камнепад устроили в пункте в 4 км. западнее Караургана, на пути в Сарикамыш)¹⁷.

Диверсия поставила перед транспортом новую задачу – теперь планировавшееся к вывозу оружие следовало перегружать на армянские поезда

¹⁶ Rawlinson A., указ. соч., с. 177.

¹⁷ Там же, с. 184.

прямо в Зивине. В этой связи 5 июля А. Роулинсон в письменной форме обратился к К. Карабекиру, предлагая направить туда уже загруженные составы и сопроводить их турецкой охраной. Теперь он ждал: будет ли получено согласие, либо побежденные противники официально откажутся выполнить данный приказ. Сам он был уверен в отказе¹⁸.

Офицер выехал в Зивин, чтобы осмотреть пограничный перевал. Армянскую часть железной дороги чинили с большим напряжением сил, и к рассвету 6 июля британцы вернулись к локомотиву. За это время Гейдарбей телеграфировал своему командованию, будто армяне арестовали А. Роулинсона, что давало повод для нападения на передовые армянские отряды. В качестве подготовки, как и перед нападением в 1918 г. на Ерзнку, К. Карабекир инициировал жалобы на зверства армянских войск в отношении мусульман, преимущественно курдов.

12 июля А. Роулинсон прибыл в Карс, чтобы изложить эти жалобы командованию армянскими войсковыми частями. Здесь он встретился с губернатором области С. Корганяном, комендантом крепости Д.-беком Пирумяном и начальником Александропольского отряда А. Овсепяном. Губернатор телеграфировал шифровкой и. о. премьер-министра Республики Армения А. Хатисяну отчет об этой встрече. При разговоре союзнический контролер сообщил, что оружие перевезут в Батум и далее на Галлиполи, а поврежденный под Зивином путь потребует неделю ремонта¹⁹. Британец торопил армянских военных скорее занять Олты для выхода на границу 1914 г.²⁰. В полдень он выехал в Кагызван, Каракурт, Сарикамыш, Ардаган, Мерденек и Олты, чтобы встретиться с курдами и лично ознакомиться с обстановкой. Учитывая масштабы планировавшихся оружейных перевозок, А. Браф требовал от А. Хатисяна подготовить 250 крытых грузовых вагонов, при том, что за всеми армянскими линиями их числилось немногим более 700²¹.

¹⁸ Там же, с. 186.

¹⁹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 353, ч. 1, л. 1-1 об. См. также: **Peterson M. D.** "Starving Armenians:" *America and the Armenian Genocide, 1915-1930 and After*. Charlottesville, VA and Lnd., 2004, p. 75. Описание этой встречи британцем: **Rawlinson A.**, указ. соч., с. 189-190.

²⁰ НАА, ф. 201, оп. 1, д. 547, ч. II, л. 184; д. 92, ч. 5, л. 366 об.

²¹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 304, л. 14.

В ходе поездки британец не скрывал своих симпатий к курдам, не задержавшись у пехотинцев-армян, которым предпочел беседы с вождем Гусейн-беем, контролировавшим 38 кагызванских сел и военный отряд в 1200 всадников. Гусейн-бей обещал подчиниться европейцам или переселиться на территорию Турции, если союзнические подразделения поддержат армянскую армию. А союзнические войска, в лице командующего Черноморской армией Дж. Милна, передали к 14 июля телеграммой А. Хатисяну сведения о расположении турецких войск²². Одновременно 17 июля в Париже члены делегации РА уведомили депутата Палаты общин и члена британского комитета Армения А. Вильямса об опасности новой турецкой атаки, поскольку армия противника распущена, но не разоружена. Через пять дней Армянское информационное бюро в Париже оперативно уведомило участников конференции о действиях находившихся в Эрзеруме контролеров, требовавших срочно восстановить железную дорогу до Караургана, чтобы составы ушли в Армению²³.

Тем временем А. Роулинсон, завершая объезд перечисленных пунктов Карсской области, 20 июля покинул ее цитадель. С 16 по 20 июля он встретился также в Кагызване с и. д. начальника расположенного там отряда полковником Д. Шагбадяном и помощником начальника Кагызванского участка Исаевым²⁴. Гость предлагал сосредоточиться на Восточной Армении, так как у республики не было войск для продвижения в западные провинции, а добровольное подчинение накопившихся на

²² Там же, ф. 190, оп. 1, д. 9, л. 70.

²³ Там же, ф. 430, оп. 1, д. 433, л. 12.

²⁴ Rawlinson A., указ. соч., с. 198-199, 202, 215; HAA, ф. 121, оп. 1, д. 300, л. 1-2; ф. 200, оп. 1, д. 353, ч. 1, л. 21.

османской стороне сил исключалось. Он предупреждал, что мира еще нет, а излишки турецкого оружия намеревался вывезти на Галлиполи.

При отъезде он попросил своего военного представителя в городе капитана Г. Проссера уведомить губернатора С. Корганяна о том, что контролер союзников лично убедился: “Все наговоры турецкого командования в Эрзеруме о бесчинствах армян и стеснительных их действиях по отношению к курдам-мусульманам лишены всякого основания”²⁵. Тем более, что по оперативной сводке штаба командующего армией РА, адресованной А. Хатисяну, противостоявшие республиканским войскам банды применяли в эти дни не только пулеметы, но и артиллерию²⁶.

24 июля британца даже арестовали в банде Эюба, которой командовал германский офицер. Затем его вместе с подчиненными отпустили, и тем же вечером отряд А. Роулинсона срочно вернулся в зивинский штаб, где утром 25 июля железнодорожный офицер доложил о том, что армянские поезда уже прибыли на место, а турецкие составы дошли до входа в ущелье. А. Роулинсон снова телеграфировал К. Карабекиру, чтобы тот разрешил передачу оружия через границу и прислал конвой. Здесь, в Зивине, а не в ходе инспекционной поездки, подполковник узнал об “ужасных поступках” карсских солдат и сразу отправил в Тифлис депешу: “В интересах гуманности армянам не следует давать независимое управление мусульманским населением, поскольку в их войсках нет дисциплины и *над ними нет действенного контроля*”. Британец боялся последствий, “моральную ответственность за которые, в конечном итоге, справедливо возложат на нас”²⁷.

Поздно вечером 25 июля подполковник выехал из своего зивинского штаба в Эрзерум, где шел уже 3-й день конгресса националистов. Последние претендовали на всю Западную Армению, но пока не посягали на межу 1914 г. И одновременно с его отъездом на уже собранный А. Роулинсоном эшелон с оружием, который сопровождали двое британских солдат и железнодорожный офицер, было совершено нападение. По прямому и зафиксированному в том числе и в мемуарах К. Карабекира приказу, на перегоне железной дороги Зивин-Караурган, в 5,6 км. к западу от Караургана, снова был устроен горный обвал на по-

²⁵ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 92, л. 368.

²⁶ Там же, д. 155, л. 69 об.

²⁷ Rawlinson A., указ. соч., с. 207, 211, 215-216, цитата на с. 218.

лотно железной дороги²⁸. Так был остановлен состав, в котором по данным начальника разведотделения генштаба военного министерства РА А. К. Шнеура помимо артиллерийских затворов и других материалов было 28 тыс. винтовок и 4.555 пулеметов²⁹. Сопровождавших оружие военных заперли в вагоне, а половину груза навьючили на мулов и вывезли в горы. Затем британского офицера и солдат отпустили, приказав побыстрее уйти на армянскую сторону границы, что и было исполнено.

Пока не зная о нападении британцев 26 июля, по его утверждению к вечеру, прибыл на место основных политических событий. Утром следующего дня его принял К. Карабекир. Тот наконец-то открыто, но вежливо отклонил предъявленные ему требования, сообщив, что ни конгресс, ни жители не отпустят оружия через армянскую границу, даже если бы он смог отдать такой приказ. А. Роулинсон уточнил, следует ли ему официально известить собственное правительство и можно ли это сделать по турецкому телеграфу? К. Карабекир дал утвердительный ответ.

27 июля А. Роулинсон сразу составил шифровку для Дж. Милна, описав происшедшее и верно оценив состоявшуюся беседу как автоматическое завершение Мудросского перемирия. Подполковник просил новых

²⁸ См.: **Hovannisian R.** *The Competition for Erzerum, 1914-1921*. In: *Armenian Karin/Erzerum*. Costa Mesa, Ca., 2003, p. 379-380. О месте обвала в 18 верстах западной Караургана: НАА, ф. 200, оп. 1, д. 155, л. 84. Этот пункт поддается корректировке, так как расположенный в 16 км. северо-западной Хорасана Зивин известен сохранившимися стенами старой крепости. Место диверсии коррелируется также с возможным расположением Партануса.

²⁹ Там же. Сообщения и оценки в прессе: *Turkish Army Moves to Destroy Armenians*. "The New York Times," NY, 31. 07. 1919, p. 1; "The Times," Lnd., 5. 08. 1919, p. 10.

инструкций. Этот текст он лично вручил К. Карабекиру и получил квитанцию. Затем он продублировал шифровку по телефону своему подчиненному, приказав переслать ее с помощью армян в Тифлис и далее в Батум и на Босфор³⁰.

28 июля А. Роулинсона пригласили к М. Кемалю. Тот пообещал вручить шотландцу все формальные решения конгресса, с которыми офицер контроля мог выехать за границу. В этот же день Дж. Милн направил письмо В. Бичу, чтобы сориентироваться по дальнейшим действиям их представителя на месте. Дж. Милн пересказал оценки их подчиненного касательно агрессивности армян в зоне захваченных курдами перевалов через хребет Олту-бела. Дж. Милн добавил, что при занятии всей Карсской области армяне «ни в коем случае не должны угрожать турецкой границе, и ни в коем случае не должны рассчитывать на помощь британских войск, только им самим подобает заключать дружественные соглашения с курдами и татарами. Территория, которую они не могут удерживать, должна быть ими оставлена – с этой целью [командир британских войск в Закавказье, генерал] Дж. Кори должен попытаться установить перемирие. Я отдал Дж. Кори распоряжения, что британские войска не должны привлекаться к ликвидации конфликта»³¹.

Как видим, оценки А. Роулинсона для губернатора Карса от 20 июля и телеграмма в Тифлис от 25-го числа, направленная дальше командующему Черноморской армией союзников, оказались прямо противоположными. Причем второй, отрицательной оценке не помешал даже факт ареста офицера контроля со стороны курдов, осуществленный всего сутками ранее.

29 июля подполковник пересек армяно-турецкую границу и встретился в Сарикамыше с прибывшей из Тифлиса британской комиссией. Официально он возмущался неконтролируемыми армянами. На деле же он получил доклад своего железнодорожного офицера о похищенном оружии и должен был как можно быстрее передать своему начальству его выводы об эрзерумской беседе с М. Кемалем и степени опасности всего происходившего. К тому же 29-го числа союзнический контролер ознакомился в Сарикамыше с телеграммой К. Карабекира о якобы непричастности к нападению на эшелон. Последний утверждал,

³⁰ **Rawlinson A.**, указ. соч., с. 217-218. Показательно, что представитель союзников также датировал официальное нарушение Мудросского перемирия 25 июля 1919 г.

³¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 212, ч. 2, л. 139-140, цитата на л. 140.

что население без посторонней подсказки сбежало с оружием, не позволив его увести. При этом всем было хорошо известно, что грузовые вагоны и мулы, которыми пользовались нападавшие, имелись только в распоряжении армии.

Исходя из этого открытого нападения, следует констатировать, что Мудросское перемирие было нарушено 25 июля 1919 г. Пытавшийся вывезти затворы турецких пушек и другое военное снаряжение на территорию Армении подполковник А. Роулинсон столкнулся в этот день с прямой диверсией. Уже на следующий день после нападения А. Роулинсону прямо заявили, что ему не позволят вывозить военную технику, а в случае необходимости *прибегнут к вооруженным мерам*. Понятно, что такая угроза и готовность ее осуществления была открытым отказом от Мудросского перемирия. Так что, если официально дипломатический процесс закончился 10 августа 1920 г. подписанием Севрского договора, то, на деле, он закончился 25 июля 1919 г., когда действовавшее параллельно с константинопольским правительством командование националистов встретило М. Кемалю, провело Эрзерумский конгресс и перешло к открытому неповиновению.

Этот факт не получил адекватных организационных действий со стороны армянского правительства, хотя А. Хатисян и поручил делегации РА в Париже обратиться к председателю Мирной конференции с соответствующей жалобой. Выполняя данное поручение, 6 августа А. Агаронян передал для Ж. Клемансо тревожное письмо от и. о. премьер-министра Армении. В документе говорилось, что «разведслужба генштаба армянской армии с точностью установила присутствие частей регулярной турецкой армии в районах Олты и Сарикамыш. Присутствие на Кавказе организованных войск и турецких офицеров является вопиющим нарушением условий [Мудросского] перемирия, предоставленного Турции»³².

Турецкий отказ выполнять принятые на себя обязательства и разоружаться не получил необходимого отпора и со стороны Верховного совета союзников, располагавшего достаточной информацией для корректировки своего курса. На сообщения в Константинополь от 27-го и отчасти от 29-го июля, 5-го августа А. Роулинсон получил шифрованную телеграмму Дж. Милна, которая была ему доставлена на

³² Там же, д. 193, л. 552.

границу армянским офицером. Телеграммой командующий британской Черноморской армией требовал немедленно вывести всех подчиненных подполковника из Турции и следить за развивающимися там событиями, не покидая Карсский район³³.

Утром 6 августа на зивинский штаб наконец-то напали в открытую, и группа наблюдателей в последний раз пересекла границу, остановившись в долине к западу от Сарикамыш. Только их командир на одной машине и с одним водителем выехал в Эрзерум, чтобы нанести прощальные визиты. Проехав порядка 110 км., он въехал в город, где во второй половине дня встретился с К. Карабекиром. Британцу сообщили, что конгресс завершает свои заседания, и после закрытия он встретится с М. Кемалем. Последняя беседа продолжалась три с половиной часа и прошла в присутствии бывшего министра османских ВМС Рауфа Орбая. М. Кемаль рассказал о принятом в этот день «Обете» националистов, пообещав переслать на следующий день его текст на границу³⁴.

6 и 7 августа из Эрзерума отбыл поезд с британскими военными, затем город покинули их кавалеристы, и в 8 часов утра, на единственном автомобиле, из города выехал командир наблюдателей, который преодолел 147 км. и к трем часам дня прибыл в Сарикамыш, где армянская сторона предоставила ему для размещения казармы прежнего большого центра российских пограничных войск. Уже на следующий день А. Роулинсон получил телеграмму из Константинополя, которой его вызывали на Босфор с докладом, что на деле означало поездку в Лондон. Британцу понадобился час, чтобы оказаться в поезде, и к часу дня 9 августа он уже отчитывался в Тифлисе начальнику военной разведки генералу В. Бичу. После письменного рапорта и перевода решений Эрзерумского конгресса 12 августа А. Роулинсон прибыл в Батум, откуда в тот же день отправился на американском эсминце на Босфор.

Тем не менее, после 7 августа британец успел поделиться наблюдениями с армянскими коллегами, и как сообщал 11 августа Д.-бек Пирумян командующему армией РА Т. Назарбеяну и А. Хатисяну, турецкие офицеры, инструкторы и четники за линией 1914 г.

³³ Great Britain Foreign Office Archives, Public Record Office, London, Class 371 Political/volume 3659, document 102537/file 512/index 58.

³⁴ Rawlinson A., указ. соч., с. 222; оценка этой встречи в: Busch B. C., Mudros to Lausanne: Britain's Frontier in West Asia, 1918-1923. NY, 1976, p. 171-172.

“организовывали местные силы и подвозили боеприпасы в большом количестве. ...Здесь затишье перед бурей”³⁵.

14 августа подполковник добрался до Константинополя, где в деталях рассказал Дж. Милну о М. Кемале как о новом политическом лидере Турции. В результате его командировали в Лондон для изложения сделанных им выводов военному министерству. (Как видим, главный союзнический офицер контроля за разоружением спешил известить не Верховный военный совет в Париже, а ехал домой, чтобы уведомить собственное, имперское руководство).

Со своей стороны, кабинет Республики Армения недооценивал опасность всего происходившего, поскольку турецкая диверсия за Караурганом не послужила толчком к отдельному обсуждению в правительстве и максимальному сосредоточению всех управленческих усилий на военном строительстве. Что же касается Парижа и Лондона, то получив донесения А. Роулинсона и других действовавших на местах офицеров, там не превратили полученные ими данные и факт турецкого отказа от разоружения в предмет публичного политического обсуждения. Проблему спускали на тормозах, а националисты стали набирать силу. Причем, как признавали многие, начиная с Ж. Клемансо и Дж. Керзона, затяжка с решением восточной проблемы ухудшала положение армян, так как наш истерзанный народ находился на грани гибели, и имел куда меньше возможностей для демографического и социального восстановления.

Опасность назревавшей ситуации отразилась и в американских документах. Так, в письме председателя влиятельного Американского комитета за независимость Армении Дж. Джерарда государственному секретарю США Р. Лансину от 14 августа 1919 г. прямо указывалось, что “державам Антанты не удалось принудить турок к выполнению условий перемирия”³⁶, хотя армянские власти уже с марта 1919 г. предупреждали о надвигающейся опасности.

Возвращаясь к английскому компоненту, отметим, что сразу по прибытии в Лондон, 29 августа А. Роулинсона принял начальник Имперского генерального штаба Г. Уилсон. Здесь, в военном министерстве, прозвучало, что отказ османской стороны разоружаться и демобилизовать армию представлял собой важную часть будущей политики националистов. А. Роулинсон оценивал происшедшее как

³⁵ *НАА, ф. 199, оп. 1, д. 9, л. 128.*

³⁶ *Там же, ф. 200, оп. 1, д. 351, л. 18-19.*

тщательно спланированный шаг по отказу турок от Мудросского перемирия. Между тем британское правительство уже приняло решение о полном выводе войска с Кавказа, включая Батум. Обнародование данного решения, говорил новоприбывший, несомненно побудило националистов без всяких недомолвок раскрыть свои планы и бросить открытый вызов Верховному совету союзников. Г. Уилсон принял данный тезис, дав согласие отсрочить планировавшийся на октябрь вывод британских подразделений из Батума, где они продержались до июля следующего года³⁷.

30 августа и 2 сентября А. Роулинсон рассказывает о М. Кемале министру иностранных дел Дж. Керзону. На второй встрече министр предложил ему остаться инспектором по выполнению перемирия, возвратиться в этом качестве в Анатолию, снова встретиться с новым турецким лидером и разузнать – каких именно мирных условий добиваются националисты. При этом инспектор должен был выступать в статусе обычного армейского офицера и встречам с М. Кемалем не следовало придавать официальный характер³⁸. Все инструкции министра были отданы в устной форме, и 20 октября А. Роулинсон оставил Лондон, чтобы вернуться в регион.

**ԲՐԵՍ-ԼԻՏՈՎՍԿԻ ՀԱՇՏՈՒԹՅՈՒՆԻՑ ՄԻՆԶԵՎ ՍՈՒՂՐՈՍԻ ԶԻՆԱԴԱՂԱՐ.
ԶԿԱՏԱՐՎԱԾ ՊԱՅՄԱՆԱԳՐԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆ**

ՄԱՍՄՈՒՐՅԱՆ Գ. Գ.

Ամփոփում

1918 թ. մարտի 3-ի Բրեստ-Լիտովսկի հաշտությունից մինչև նույն թվականի հոկտեմբերի 30-ին կնքված Մուդրոսի զինադադարն ընդգրկող ժամանակաշրջանը հարկ է բնորոշել որպես Օսմանյան կայսրության կողմից այդ փաստաթղթերն անտեսելու փուլ: Նման մոտեցումը տարածվում էր ինչպես Բրեստի շահավետ պայմանների, այնպես էլ Առաջին աշխարհամարտում պարտության հետևանքով կնքված Մուդրոսի պայմանագրի պահանջների վրա: Վերջինները չէին ամրապնդվել ռազմական ուժով, ուստի 1919 թ. հուլիսի 25-ին Կարսից Էրզրում տանող երկաթուղու՝ Կարաուրզան-Զիվին միջուղում կազմակերպվեցին քարերի փլվածքն ու Դաշնակիցներին ենթակա, զենքի ավելցուկով բեռնված գնացքի վրա հարձակումը: Հարձակումը ուղեկցվեց թուրք հրամանատարության պաշտոնական հայտարարությամբ՝ իրենց զինաթափումը մերժելու վերաբերյալ: Ու թեև սուլթանական կառավարության հետ հետագա բանակցությունները

³⁷ Дальнейшую записку для Форин оффиса, включавшую отчет А. Роулинсона, см. в: FO 371/ 4158, 126001/521/44.

³⁸ Rawlinson A., указ. соч., с. 238-239.

*1920 թ. օգոստոսի 10-ին ավարտվեցին Սևրի հաշտությանը, սակայն երկ-
իշխանության պայմաններում գործող թուրք ազգայնականները 1919 թ.
հուլիսի 25-ին վերջ դրեցին Սուդրոսի զինադադարին՝ իրենց նկրտում-
ներին հաղորդելով լայն թափ ու ավելի վտանգավոր բնույթ:*

**FROM THE BREST LITOVSK TREATY TO THE ARMISTICE
OF MUDROS: HISTORY OF NON-COMPLIANCE WITH CONVENTIONS**

G. MAKHMOURIAN

Abstract

The period from the Brest Litovsk Treaty of March 3, 1918, to Mudros Armistice, made on October 30 of the same year, was distinctive as a time when Ottoman Empire consistently sabotaged them. Such an attitude had been equally applied to profitable Brest conditions, as well as to requirements of Mudros, laid and formally approved after the Turkish defeat in the First World War. Mudros requirements had not been backed by sufficient military force, therefore, on July 25, 1919, they were annulled and namely put on the rocks on the railway Kars - Erzurum, when a rockfall had been arranged on its ferry between Zivin and Karaorgan, and a train with war surplus was attacked, though weapons were taken out of the country under Allies' surveillance. This assault had been substantiated by the formal refusal of the Turkish Command authority to disarm. Although subsequent negotiations with the Sultan Government brought on August 10, 1920, to conclusion of the Sevres Treaty, Turkish nationalists, who were acting in conditions of dual power, put an end on July 25, 1919, to the Mudros Armistice. From this day on, they continually gain in scope and jeopardy of their demands.